

Ялтаев Дмитрий Анатольевич

канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой

Шевченко Иван Михайлович

студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИЗУЧЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЧУВАШИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. ПО МАТЕРИАЛАМ ГИА ЧР

***Аннотация:** в статье представлен общий анализ возможностей изучения имущественной преступности на территории Чувашии во второй половине XIX века. Исследование опирается на материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР): фонды уездных исправников, становых приставов, уездных надзирателей, полицейских управлений, мировых судей и земских начальников Чебоксарского, Цивильского и Ядринского уездов Казанской губернии. Рассматриваются основные виды имущественных преступлений и источники данных об этих преступлениях.*

***Ключевые слова:** имущественная преступность, периодические ведомости о роде преступлений, ГИА ЧР, конокрадство.*

И. Д. Кузнецов в работах, посвященных истории Чувашии в конце XIX – начале XX в. рассматривал некоторые противоправные действия крестьян, как форму революционной борьбы, в состав которой включались потравы, запашки, захват хлебных магазинов [9]. К концу XX в. вместе со смещением акцентов научных исследований с революционного прошлого на анализ социально-экономических факторов, историки больше внимания стали уделять не политической стороне преступности, а бытовым, хозяйственным причинам. Например,

Д.В. Егоров на основе изучения чувашского мирского суда одним из первых провел анализ национальных особенностей преступности чувашского населения. Еще В.К. Магницкий в конце XIX в. будучи судебным следователем 2-го следственного участка Чебоксарского уезда провел исследование этнографических особенностей преступности чувашей. Это стало примером того, что сведения судебных и правоохранительных органов могут быть отличным источником по истории национальных особенностей населения.

В настоящей статье выделен аспект имущественной преступности, позволяющей определить социобытовые маркеры. В российском уголовном законодательстве термин «имущественные преступления» официально впервые закреплен в главе 6 первого уголовного кодекса РСФСР 1922 г. [4, с 20–22]. Конечно же, русские нормы права изначально содержали указание на преступления против собственности [10]. Однако сам термин в России впервые стал применяться в конце XIX – начале XX в., например, в курсах лекций И. Я. Фойницкого, называвшего их «имущественными посягательствам» [12, с. 156]. Одну из первых монографических научных классификаций имущественной преступности в 1913 г. опубликовал А. Н. Круглевский [8].

Начатые в период правления Александра II реформы, затронули все сферы жизни общества, в том числе и судебно-правовую. Реформы, организованные на всем пространстве России, затронули и Казанскую губернию, частью которой были и Чебоксарский, Цивильский и Ядринский уезды, которые более всех остальных включали в себя территорию нынешней Чувашии. В Государственном историческом архиве Чувашской Республики (ГИА ЧР) сохранилось большое количество источников по криминогенной ситуации в регионе. Фонды уездных исправников (Ф. 122, 355, 359), уездных полицейских управлений (Ф. 120, 121, 373), становых приставов (Ф. 356–360, 374), полицейских надзирателей (Ф. 358, 354), судебных следователей (Ф. 128), мировых судей (Ф. 104–106, 107, 108, 109, 111, 113), земских начальников (Ф. 19–35), уездных тюрем (Ф. 140–141), содержат большой массив статистических данных по имущественной преступности в

регионе. Причем, если фонды мировых судей дают информацию преимущественно по 70–80 годам, то фонды земских начальников показывают положение преступности в 90-е гг. XIX и начало XX века.

Важно учитывать различные географические, социальные, демографические факторы при анализе этого вида преступности. Например, Чувашия исторически находилась на важном пути – Московском тракте, через которые проходило огромное количество товаров и грузов. Данная артерия располагалась между земледельческими русскими районами и скотоводческими татарскими [12]. Учет этой особенности важен для понимания истоков некоторых имущественных преступлений, а именно краж, которые имели свою специфику в связи со значительностью доли татарского населения и его социальных особенностей в экономике «чувашских» уездов Казанской губернии.

В качестве примера наиболее показательно конокрадство. Данные ГИА ЧР дают возможность ознакомиться с некоторыми видами отчетной документации, которая показывает нам, что борьба с конокрадством в указанных выше уездах была серьезной проблемой. Полицейским органам приходилось составлять списки конокрадов [1] по отдельным местам их поселения. Некоторые деревни признавались «сплошь конокрадскими». По этим документам можно судить об этническом, социальном, конфессиональном происхождении конокрадов. Нам эти списки чаще всего доступны в формате докладных записок становых приставов уездному исправнику. Далее от уездного исправника они поступали в столицу губернии – Казань. Также фонды мировых судей и уездных исправников изобилуют непосредственно делами по этому вопросу уголовного права [2]. Однако важно понимать, что такого рода преступления были связаны не с какой-то мнимой особой криминогенностью чувашских, русских или татарских крестьян, а в первую очередь с фактами экономической сферы. Например, в 1870–1880-е гг. в «чувашских» уездах был зафиксирован падеж скота [3], который обусловил увеличение краж. Преступности способствовала близость границ разных губер-

ний. В Кошелевской волости Цивильского уезда действовал еженедельный базар в д. Корезиной, где на границе Буинского и Тетюшского уездов активно сбывали краденых лошадей [12, с. 55].

Однако, конокрадство в Чувашии в этот период хоть и заслуживает отдельного рассмотрения, не является основным аспектом этого исследования. Огромный массив данных нам дают периодические ведомости о роде преступлений в мировом судебном округе, которые являются основным источником по изучению имущественных преступлений. В них приведены данные по преступлениям в следующих областях общественной жизни: «по нарушению Уставов строительного и путей сообщения» (ст. 65–87), «по нарушению Устава пожарного» (ст. 88–98), «по самовольном пользовании чужим имуществом и повреждении оно» (ст. 145–153), «по проступкам о похищении и повреждении чужого леса» (ст. 154–168), «по проступкам о краже, мошенничестве и обманам (ст. 161–189)» (приведены номера статей из «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1867 года) [5]. Ведомости показывают половозрастную характеристику нарушителей, их сословную принадлежность, количество оправданных и осуждённых подсудимых за год или часть года на определенном участке мировых судей. Ведомости о роде преступлений являются важным историческим источником по изучению преступности в Чувашии, требующим отдельного изучения с точки зрения источниковедения, так как дают сухие статистические сведения, которые позволяют изучить большой массив данных по криминогенной ситуации в регионе в указанный период.

Материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики хранят большой массив информации о преступности в Чувашии во второй половине XIX века. Эти данные, а также информация в перечисленных выше фондах, содержащая сведения об этническом, конфессиональном, сословном составе уездов, дают возможность исследовать причины и тенденции развития имущественной преступности в регионе в указанный период. Удалось выяснить, что большой интерес в изучении темы дают периодические ведомости о роде преступлений, которые составлялись в канцелярии мировых судей.

Список литературы

1. ГИА ЧР. Ф, 122. Оп. 1. Д. 304.
2. ГИА ЧР. Ф, 122. Оп. 1. Д. 339.
3. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 1.
4. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : приказ Революционного Военного Совета Республики 1922 г. №1551. – Москва : Издание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1922. – 42 с. – 42 с.
5. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. – Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1867. – 45 с.
6. Егоров, Д. В. Воровство в правосознании чувашского крестьянства / Д. В. Егоров // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 4. – С. 31–39.
7. Егоров, Д. В. К вопросу о состоянии преступности в Казанской губернии (вторая половина XIX века) / Д. В. Егоров // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2008. – № 2.
8. Круглевский, А. Н. Имущественные преступления : Исслед. основных типов имуществ. преступлений / А. Н. Круглевский. – Санкт-Петербург : Типо-лит. С.-Петерб. одиноч. тюрьмы, 1913. – 549 с.
9. Кузнецов, И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч. 2. Развитие капитализма в России / И. Д. Кузнецов. – Чебоксары : Чувашкнигоиздат, 1969. – 426 с.
10. Скобликов, П. А. Понятие «имущественные преступления» в российском уголовном законодательстве и правовой доктрине: история вопроса / П. А. Скобликов // Право: история и современность. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 520–527.
11. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного права : Часть особ. : Посягательства личные и имущественные / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. – 434 с.

12. Ялтаев, Д. А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862–1917 годах : монография / Д. А. Ялтаев. – Чебоксары : Изд-во Чувашского университета, 2012. – 156 с.